

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-944-955>

Шифр научной специальности 5.9.1

Мифологема птицы в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор»

Денис Сергеевич Гудин , Наталия Владимировна Сорокина

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 sorok_tam@rambler.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Птица – знаковый образ в творчестве Е.Г. Водолазкина. Цель исследования – определение функции орнитологических образов в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» и их связи с литературно-мифологической традицией. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Объект исследования – орнитологическая символика в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор». Исследование основывается на комбинированном подходе, сочетающем историко-культурный, мифопоэтический, биографический, структурный, сравнительно-исторический и рецептивный методы. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Установлена бестиарная и мифологическая семантика образов ворона, вороны, филина, лебедя, голубя. Проанализировано орнитологическое окружение главного героя, изучены функции и приёмы создания персонажей-орнитоморфов в «Авиаторе». Выявлены и детально исследованы типологические и генетические сходжения с текстами-«протографами» – средневековыми апокрифами, Физиологом, Толковой Палесей, творчеством Овидия, А.С. Пушкина, А.К. Толстого, А.А. Блока и др. Определена связь романа «Авиатор» Е.Г. Водолазкина с романами «Бесы» и «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского. Обоснована гипотеза о палимпсестной природе романа «Авиатор». **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Материалы исследования могут быть использованы как для анализа поэтики Е.Г. Водолазкина, так и при анализе мифологической образности в современной русской и зарубежной литературе.

Ключевые слова: Е.Г. Водолазкин, Ф.М. Достоевский, русская литература, мифологизм, образ птицы, миф, архетип, компаративистика

Благодарности и финансирование. Материал был подготовлен в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Поэтика романной прозы Е.Г. Водолазкина».

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гудин Д.С., Сорокина Н.В. Мифологема птицы в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 944-955. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-944-955>

Bird mythologem in E.G. Vodolazkin's novel "The Aviator"

Denis S. Gudin , Nataliya V. Sorokina

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
 sorok_tam@rambler.ru

Abstract

INTRODUCTION. Bird is a symbolic image in the works of E.G. Vodolazkin. The aim of the study is to determine the function of ornithological images in the novel by E.G. Vodolazkin "The Aviator" and their connection with the literary and mythological tradition. **MATERIALS AND METHODS.** The object of the study is ornithological symbolism in the novel by E.G. Vodolazkin "The Aviator". The study is based on a combined approach, combining historical-cultural, mythopoetic, biographical, structural, comparative-historical and receptive methods. **RESULTS AND DISCUSSION.** The bestiary and mythological semantics of the images of a raven, crow, eagle owl, swan, and dove have been established. The ornithological environment of the protagonist has been analyzed, and the functions and techniques of creating ornithomorphic characters in "The Aviator" have been studied. Typological and genetic similarities with "protograph" texts – medieval apocrypha, Physiologus, Explanatory Paleia, the works of Ovid, A.S. Pushkin, A.K. Tolstoy, A.A. Blok, etc. – have been identified and studied in detail. The connection between the novel "The Aviator" by E.G. Vodolazkin and the novels "Demons" and "Crime and Punishment" by F.M. Dostoevsky has been determined. The hypothesis about the palimpsest nature of the novel "The Aviator" has been substantiated. **CONCLUSION.** The research materials can be used both for the analysis of E.G. Vodolazkin's poetics and for the analysis of mythological imagery in contemporary Russian and foreign literature.

Keywords: E.G. Vodolazkin, F.M. Dostoevsky, Russian literature, mythologism, image of a bird, myth, archetype, comparative studies

Acknowledgements and Funding. The material was prepared as part of the research project "The Poetics of E.G. Vodolazkin's Novel Prose".

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Gudin, D.S., & Sorokina, N.V. Bird mythologem in E.G. Vodolazkin's novel "The Aviator". *Neofilologiya = Neophilology*, 2024;10(4):944-955. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-944-955>

ВВЕДЕНИЕ

Роман Е.Г. Водолазкина «Авиатор» (2016) активно исследуется современным отечественным литературоведением. Учёные дискутируют о том, к какой художественной системе следует отнести это произведение, как и творчество писателя в целом, – постмодернистской [1] или неомодернистской [2], а также пытаются встроить «Авиатора» в литературный контекст [3], выявить и интерпретировать связи с литературной традицией (творчеством В. Набокова [4–5], А. Платонова

[6] и др.). Самобытный творческий почерк Е.Г. Водолазкина¹ интересует и языковедов [7].

Большинство исследователей сконцентрированы на анализе темпорального устройства его прозы в целом и отдельных романов: наиболее часто предметами научной рефлексии становятся проблемы памяти [8], времени и вневременности [9–10], соотношения категорий исторического и неисторического [11], общие проблемы онтологии и аксиологии времени [12], жанровой специфики [13].

¹ Скларова О.С. Лингвокогнитивный и лингвокультурный аспекты репрезентации элитарной языковой личности писателя в художественном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2021.

Многие персонажи произведений Е.Г. Водолазкина являются носителями «птичьего гена»: в их именах, внешнем облике, действиях проступают черты реальных или мифологических птиц. Так, например, в романе «Соловьёв и Ларионов» (2009) птичья фамилия принадлежит одному из главных героев – молодому историку Соловьёву. В «Лавре» (2012) лекарь Арсений напрямую сравнивается с солярными птицами – харадром и фениксом. В «Брисбене» (2019) гитарист Глеб Яновский не только влюбляется в Анну Лебедь, женится на «жар-птице» Катарине и удочеряет «гадкого утёнка» Веру, но и является двойником и «однофамильцем» Н.В. Гоголя (птица-гоголь). Нам уже приходилось писать об орнитологических образах в романе «Лавр» [14].

Однако больше всего «персонажей-орнитоморфов» присутствует в романе «Авиатор». На наличие орнитологического кода указывает даже название: «авиатор» происходит от латинского *avis* – «птица», а в одном интервью Водолазкин признаётся, что назвал роман вопреки советам – важно было сохранить птичью семантику и подобрать такое слово, в котором чувствовался бы большой размах крыльев². В центре сюжета – судьба Иннокентия Платонова, заключённого соловецкого лагеря, которого подвергают экспериментальной заморозке. Спустя шестьдесят с лишним лет герой приходит в сознание и пытается расшифровать своё прошлое.

В «Авиаторе» представлены несколько поколений семьи *Ворониных* (здесь и далее курсив наш. – Д. Г., Н. С.), а также их однофамилец – чекист Дмитрий Валентинович *Воронин*, с которым герой встречается в лагере. Среди персонажей, чья орнитоморфность задаётся на уровне номинации, также *Скворцов* – знакомый Платонова, его двойник и вместе с тем будто бы и не персонаж романа, а скорее персонаж города или эпохи. Встречаются и «скрытые птицы» – персона-

жи, связь которых с птичьим миром обозначается не за счёт ономастикона – доктор Гейгер, кузен Сева и хромая девушка из квартиры Мещеряковых.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В рамках данной статьи определяется видовой состав «птиц» романа Е.Г. Водолазкина «Авиатор».

В том, какой «птицей» является Гейгер, загадки нет – это очередной представитель семейства вороновых: «На углу Большого и Зверинской остановились (припарковались, *прокаркал* Гейгер)»³. Ещё один орнитоморф – Сева, кузен Платонова, обладающий слишком высоким, крикливым голосом: «Иногда он смешивается с криками *чаек* и становится почти от них неотличим» (с. 25).

Однако самая неочевидная, скрытая «птица» – безымянная хромоногая девушка, персонаж эпизодический и, казалось бы, едва заметный в романном ландшафте. Она появляется в двух воспоминаниях главного героя. В первом, петроградском, Платонов возвращает книги, которые брал почитать профессор Воронин: «Дверь открыла хромая девушка – я почему-то сразу понял, что она хромая... А может, знал это? Лицо узкое, глубоко посаженные глаза – есть такой питерский тип. <...> Пошла впереди меня, не стеснясь своей хромоты» (с. 140). Второе воспоминание – уже соловецкое. Герой слышит, как в соседней палате несколько человек насилуют девушку, каким-то мистическим образом узнаёт её и снова вспоминает долагерную жизнь: «Удивительно, но я знал, кто лежит за стеной. <...> Хромала, да. Волосы собраны сзади, шаль на плечах, так посмотришь – библиотечарша библиотечаршей, да ещё эти книги вокруг. <...> Я её впервые рассмотрел: нет, не библиотечарша. Ни в коем случае. <...> Улыбалась. Удивительное лицо: готическое, с запавшими глазами. И оплетающая тонкую шею вена. И эта хромота... <...> Королева. <...> Недаром даже звероподобные гэпэушники охотились за ней в лечебной

² Евгений Водолазкин о пластиковых бутылках в Средневековье, хронофагах и ДиКаприо // The Voice. URL: <https://www.thevoicemag.ru/lifestyle/films/evgeniy-vodolazkin-o-plastikovyyh-butylkah-v-srednevekovem-hronofagah-i-dikaprio/> (дата обращения: 24.08.2024).

³ Водолазкин Е.Г. Авиатор. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 98. (Далее цитируется это издание с указанием страниц в тексте).

части. <...> Им, сволочам, хотелось нематериального» (с. 255-256).

Изучим оба этих эпизода-вспоминания. Почему при первой встрече в квартире на Каменноостровском проспекте Платонов предугадывает хромоту девушки и почему этот образ кажется смутно знакомым не только главному герою, но и внимательному читателю? Ответ простой: бросающаяся в глаза худоба, хромота, готическое лицо, улыбка, собранные назад волосы, шаль – едва ли не детальный портрет Марьи Тимофеевны Лебядкиной, тайной жены Николая Всеволодовича Ставрогина, Хромоножки из романа «Бесы». К тому же сюжет об изнасиловании юродивой или хромой, мотив надругательства над «нематериальным», потусторонним и безгрешным существом получил глубокую и детальную художественную проработку именно в творчестве Достоевского [15, с. 59-63]. В том, что Платонов знаком с романом, сомневаться не приходится: когда кузен Сева приносит революционные агитки, герой охлаждает его вопросом о «Бесах» (с. 87).

«Бесы» – самый «орнитологичный» роман Достоевского: действие концентрируется вокруг поместья *Скворешники*, многие персонажи носят птичьи фамилии – *Лебядкины*, *Дроздовы*, *Гагановы*, сравниваются с птенцами, орлами, ястребами, соколами, филинами, сычами, а кроме того, ведут себя как птицы – летают, влетают, подлетают и разлетаются, по-птичьи шумят и ссорятся. За счёт этого Достоевский создаёт герметичный, шумный, хлопающий крыльями бесовской мир [16, с. 171-173]. Среди многочисленных «птиц» Лебядкина сильно выделяется: философы Серебряного века – Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.И. Иванов, заново открывавшие Достоевского, – видели в ней Богородицу, белую лебедь, Вечную Жену и Душу Мира, дохристианскую святую и юродивую⁴; современные исследователи обращают внимание на двойственность героини, противопоставляя богородичности очевидные хто-

ничность и ведьмовство⁵. В мифах лебедь фигурирует как оборотная форма волшебной жены, часто (но не всегда) символ чистоты. Пример лебединой девы – Марья Белая Лебедь, жена былинного богатыря Потока (Михайло Потык). В качестве одного из литературно-мифологических прототипов главного героя «Авиатора» критик Г. Юзефович называет именно Потока⁶, имея в виду уже не героя эпоса, а персонажа баллады А.К. Толстого «Поток-богатырь». Любопытно, но имя богатыря включает в себя орнитологический компонент: оно читалось как «Потька», что значит «птица», «птичий»⁷.

Итак, орнитологическое окружение героя – вороны / ворёны, скворец, чайка, лебедь. Теперь необходимо разобраться, почему в романе так много представителей семейства вороновых, и ответить на вопрос, какой же «птицей» является главный герой.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Комплексное решение поставленной задачи предполагает обращение к истокам, семантике и функциональному значению орнитологических образов.

Образ ворона обладает древней символикой. Е. Мелетинский писал о том, что эта демоническая птица в мифологиях выполняет посреднические функции между небом, землёй и подземным царством; воспринимается как медиатор между верхом и низом, водой и сушей, мудростью и глупостью и др. Ворон амбивалентен: он трикстер и культурный герой (у некоторых народов ворон создаёт мир, доставая сушу со дна океана). Кроме того, это важный персонаж в мифе о Потопе⁸. Семантика и коннотация образа ворона в вариантах этого мифа отличаются. В вавилонской/шумерийской версии Утнапиш-

⁵ Сараскина Л.И. «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Сов. писатель, 1990. С. 149.

⁶ Юзефович Г.Л. Удивительные приключения рыбы-лоцмана: 150 000 слов о литературе. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. С. 236.

⁷ Балаиов Д.М., Новичкова Т.А. Русский былинный эпос // Былины: в 25 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Наука; Москва: Классика, 2001. С. 34.

⁸ Мелетинский Е.М. Мифы народов мира: в 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 245-247.

⁴ Криницын А.Б. Образ хромоножки в перспективе мотивной структуры романов Достоевского // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 3. С. 56.

тим поочерёдно выпускает голубя, ласточку и ворона. Голубь и ласточка возвращаются на корабль, а ворон находит пищу и улетает, что и свидетельствует о прекращении Потопа:

Ворон же, отправившись, спад воды увидел,
Не вернулся; каркает, ест и гадит⁹.

Ветхозаветный Ной выпускает ворона, который «отлетал и прилетал», а затем трижды выпускает наружу голубя, после чего покидает ковчег¹⁰. В апокрифе «Откровение Мефодия Патарского» Ной выпускает голубя и ворона, причём ворон находит сушу и не возвращается на ковчег, за что получает проклятие от Ноя¹¹. В Толковой Палее сюжет о Потопе дополняется апокрифичными подробностями: ворон не возвращается до тех пор, пока с земли не уходит вода, и выклёвывает глаза утонувших людей¹². Согласно народным легендам, из-за поедания падали во время Потопа ворон, изначально белый как снег и кроткий как голубь, становится чёрным и кровожадным¹³. Для сравнения: в «Метаморфозах» Овидия говорится о том, что Аполлон-Феб наказывает ворона чёрным оперением за дурные вести об измене Кориныды, божественной возлюбленной:

Ибо когда-то был серебряной, снега белее,
Птицей, сравниться бы мог с голубями,
что вовсе без пятен¹⁴.

Мотив кровавой пищи, поедания останков наблюдаем и в «Авиаторе»: соловецкое смертельное пространство, над которым властвует «великий преступник» (Великий Инквизитор?) чекист Воронин, усеяно мёртвы-

ми телами: «Я видел тех, кого находили весной, – их называли подснежниками – с выклеванными глазами, отгрызенными ушами» (с. 75). О связи чекиста Воронина с этим мотивом говорит ещё один фрагмент: «И вот шли мы, значит, втроём к Воронину, и я думала: ну надо же – Воронина к Воронину летит!» (с. 361). Это отсылка к стихотворению Пушкина «Ворон к ворону летит», первые две строфы которого выглядят следующим образом:

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
«Ворон! где б нам отобедать?
Как бы нам о том поведать?»

Ворон ворону в ответ:
«Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый»¹⁵.

Особого внимания заслуживает универсальная, существующая не одну тысячу лет оппозиция «голубь/ворон». Конкретно в Толковой Палее голубь представляет собой знак Христа и Святого Духа, а ворон – аллегорическое изображение иудеев¹⁶. М. Пастуро замечает, что ворон – второе животное (после змея) и первая птица, упоминаемая в Библии, а сразу за ним следует голубь. Цвет оперения этих птиц определил христианское мировоззрение: «<...> белый цвет – сияние чистоты и добродетели, символ жизни и надежды; чёрный – пятно грязи и порока, знак греха и смерти»¹⁷. Антагонизм голубя и ворона в целом характерен для средневековой культуры, наследующей иудейской (разделение животных на чистых и нечистых) и дохристианской европейской (ворон как вестник зла) традициям: ворон ассоциируется с адскими, дьявольскими силами, а голубь – с раем, ангелами и Святым Духом¹⁸.

¹⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 75.

¹⁶ Белова О. О «грешных» животных в славянских легендах // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции: сб. статей. М., 2000. С. 171-174.

¹⁷ Пастуро М. Чёрный. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 32-33.

¹⁸ Мелетинский Е.М. Мифы народов мира. С. 247.

⁹ Эпос о Гильгамеше (О всевидавшем). Москва: Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 77.

¹⁰ Быт. 8:7-12.

¹¹ Мильков В.В. Древнерусские апокрифы. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гум. ин-та, 1999. С. 692.

¹² Камчатнов А.М. Палея Толковая. М.: Согласие, 2002. С. 145.

¹³ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Индрик, 1994. Т. 1. С. 527; Сумцов Н.Ф. Ворон в народной словесности. М.: Тип. Е.Г. Потапова, 1890. С. 6-7.

¹⁴ Овидий, Назон Публий. Собр. соч.: в 2 т. СПб.: Студия Биографика, 1994. Т. 2. С. 43.

Однако бывают исключения. В разных списках «Беседы трёх святителей» голубь символизирует смерть, а ворон является птицей с солнечным значением¹⁹. В некоторых средневековых памятниках, например в Физиологе (Естествослове), образы животных отличаются пластичностью, и нет их жёсткого закрепления за каким-либо мифологическим полюсом – верхом или низом. На амбивалентность зооморфных образов Физиолога обращал особое внимание С.С. Аверинцев: «Твари двояки: хвалимы и хулимы»²⁰. Всё дело в том, что автору (авторам) Физиолога важно было отразить присутствие Бога во всех живых существах, поэтому даже нечистые по второму закону животные, такие как харадр, ночной ворон, неясый, ворона и т. д., здесь оцениваются положительно и могут даже сравниваться с Христом, или Богом-отцом, или Святым Духом [17, с. 179]. Птичья образность «Авиатора», по всей видимости, генетически восходит именно к Физиологу, но, поскольку в этом памятнике (греческий Физиолог и его русские переводы, например Кирилло-Белозёрский список) нет отдельной главы, посвящённой ворону, рассмотрим семантически близкие сюжеты «О ночном вороне», «О вороне», а также две главы «О голубе» и главу «О горлице».

Описание голубя, приведённое в Физиологе, отражает христианское видение: голубь символизирует Святой Дух, сравнивается с ветхозаветными пророками, Иисусом, а также носителями духовной чистоты и девственности²¹. Отличительными свойствами горлицы являются её голос и склонность к пустынножительству²². Исследователи указывали на родство образов горлицы и вороны: будучи воплощениями целомудрия, они являются символами мистического брака Христа с церковью²³.

Главными качествами вороны, согласно Физиологу, являются вдовство, оставленность и единобрачие, что соответствует античной традиции²⁴. У Плутарха ворона хранит верность после гибели мужа в течение *девяти* поколений²⁵, а у Овидия говорится, что ворона может прожить *девять* сотен лет²⁶. В «Авиаторе» также прослеживаются мотивы вдовства и верности возлюбленному: Анастасия Воронина долгое время ждёт Платонова, который находится в лагере, а потом всё-таки выходит замуж. Вряд ли является совпадением, что «траур» Ворониной длится девять лет – с 1923 (арест Платонова) по 1932 (заморозка героя). Анастасия Воронина переживает арест первого мужа, блокаду, смерть сына, рождение ребёнка и развод со вторым мужем и при этом с трогательной верностью цепляется за жизнь, чтобы перед смертью, девятиоттрёхлетней старухой (снова числовая символика – девять десятков лет), встретиться с Платоновым. Внучка Анастасии, Настя Воронина, в финале романа остаётся вдовой, так что воронье одиночество и оставленность – это то, что переходит ей по наследству вместе с именем и фамилией бабушки. В последнем письме к Насте Платонов, словно предчувствуя скорую гибель, подробно рассказывает о воронах и их привычке качаться на тонких ветках, на что героиня про себя отвечает: «<...> много ли, если вдуматься, радостей у ворон?» (с. 397).

Ещё один персонаж Физиолога – ночной ворон – птица, которая любит ночь сильнее дня, в чём проявляется её сходство с Иисусом, полюбившим язычников во тьме и тени смерти²⁷. Ночной ворон – это не ворон, а филин. Обозначавшее филина греческое слово

¹⁹ Мочульский В.Н. Историко-литературный анализ стиха о голубиной книге. Варшава: Тип. Михаила Земкевича, 1887. С. 224-225.

²⁰ Аверинцев С.С. Переводы: Многоценная жемчужина. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2004. С. 390.

²¹ Физиолог / изд. подгот. Е.И. Ванеева; отв. ред. Л.А. Дмитриев. СПб.: Наука, 1996. С. 33-34.

²² Там же. С. 29.

²³ Мочульский В.Н. Происхождение «Физиолога» и его начальные судьбы в литературах Востока и Запа-

да // Русский филологический вестник. Варшава: Тип. Марии Земкевич, 1889. Т. XXII. № 3. С. 63, 107-108; Evans E.P. Animal Symbolism in Ecclesiastical Architecture. L.: W. Heinemann, 1896. P. 147; Physiologus. A Metrical Bestiary of Twelve chapters by Bishop Theobald. L., 1928. P. 93-95.

²⁴ Мочульский В.Н. Указ соч. С. 101.

²⁵ Плутарх. Грилл, или о том, что животные обладают разумом // Поздняя греческая проза. М., 1960. С. 137.

²⁶ Овидий, Назон Публий. Собр. соч.: в 2 т. СПб.: Студия Биографика, 1994. Т. 1. С. 46.

²⁷ Физиолог. С. 14, 128.

Νυκτικораξ (νύξ – ночь, кораξ – ворон) вызывало затруднение у переводчиков, поэтому в латинских источниках встречаются такие переводы, как Bubo (филин), Herodius (цапля), Perdix (куропатка) и калька Nicticorax [18, с. 60-63], а в славянских переводах Физиолога и Библии закрепился вариант «ночной ворон» (быхъ ѣкѡ нощный вранъ на нырищи). Важно, что и в русской церковной традиции, и тем более в народно-поэтическом сознании образы ворона и филина как ночных и демонических птиц если не ассимилируются, то явно соседствуют.

Ночной ворон присутствует в романе Водолазкина. Платонов цитирует стихотворение Блока «Авиатор», в котором «сражаются» творец-авиатор (птица-авиатор) и его антипод – ночной летун (с. 132). Кроме того, ночной ворон / филин – это состояние, результат духовной трансформации. Например, падение Ставрогина в «Бесах» Достоевского выражается орнитологически – Лебядкина обличает мужа: «Нет, не может того быть, чтобы сокол филином стал. <...> А я-то сижу, дивлюсь: что за сова слепая подъехала? Нет, голубчик, плохой ты актёр <...>. Только мой – ясный сокол и князь, а ты – сын и купчишка!»²⁸. В «Авиаторе» ночной ворон – итог личностной энтропии гэдзюшника Воронина и самого Платонова. Персонажи-орнитоморфы в «Авиаторе» отзеркаливают главного героя – являются его продолжениями, противоположностями или двойниками. Платонов вспоминает: «Может быть, оставшись в моей памяти, Воронин стал частью меня, и я ненавижу его в себе?» (с. 189). Подсознательно герой чувствует связь с убийцей и богоотступником Ворониным и примеряет обличье ночного ворона.

Если ночной ворон – это промежуточный итог «орнитологического пути» героя, то какой «птицей» Платонов являлся изначально? Герой сравнивает себя либо с птицей-авиатором: «<...> авиатор – это большая красивая птица. Такой птицей хотел быть и я» (с. 92), либо с голубем: «Мне вспоминались <...> дохлые собаки и голуби – всё, что мучительно вытаскивало из льда весной. Как

я выглядел в ледяном плену – как голубь?» (с. 110-111). На орнитологическую ипостась главного героя косвенно указывает имя: Иннокентий (лат. Innocentius) переводится как невинный, девственный (характерные свойства голубя по Физиологу). В греческом языке **περιστέρα** – это голубь, голубка, Святой Дух, а выражение *υλοκρίνεται την αθώαν περιστέραν* означает «прикидываться невинным»²⁹.

С помощью образа голубя, в частности, выстраивается диалог между романами «Авиатор» и «Преступление и наказание». Для сравнения: «Этак вы опять, голубчик, прежнюю болезнь себе возвратите, – *закудахта* с дружественным участием Порфирий Петрович <...>»³⁰. В «Преступлении и наказании» лексемы голубчик/голубка встречаются пятнадцать раз. Причём десять раз обращение «голубчик» адресовано Раскольникову: единожды так к герою обращается Свидригайлов, один раз – мать, а восемь – Порфирий Петрович. Следовательно будто бы программирует Раскольникова, призывая вернуться к догреховной чистоте. В.П. Владимирцев замечает, что «голубчик» у Достоевского – нечто большее, чем диминутивное обращение. Это маркер избранности героя: «Бестиарное по происхождению и функциям словечко выступает <...> как христианско-поэтический определитель сущности людей, праведных и грешных» [19, с. 314]. Таким образом, романские оппозиции «голубь/ворон» (ночной ворон) и «авиатор / ночной летун» не представляются случайными.

Несмотря на многочисленные намёки, оставленные Водолазким, и сам Платонов, и его «апостолы» Гейгер и Настя, и читатель о тёмном прошлом героя (убийство Зарецкого) догадываются далеко не сразу. Большую часть романа Платонов не осознаёт вины или притворяется невиновным. Нельзя забывать, что формально «Авиатор» – роман постмо-

²⁹ Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899 г. М.: Греко-латинский кабинет Юрия Шичалина, 2006. Стб 990; Хориков И.П., Малев М.Г. Новогреческо-русский словарь. М.: Культура и традиции, 1993. С. 619.

³⁰ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 6. Преступление и наказание. Л.: Наука, 1973. С. 265.

²⁸ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 10. Бесы. Л.: Наука, 1974. С. 219.

дернистский. В своей сконструированности гораздо более постмодернистский, нежели «Лавр» или «Брисбен». Исповедальная интонация в модернистских и постмодернистских произведениях обманчиво сокращает дистанцию между рассказчиком и читателем. Но такая исповедь часто исходит от героя «набоковского типа», героя-трикстера. Для сравнения: Гумберт Гумберт Набокова иногда очень убедительно исповедуется перед читателем, но белых пятен в его истории предостаточно; исповедуется и Ставрогин в призрачной, апокрифичной главе «У Тихона», но насколько честен герой с самим собой, святым старцем и читателем – вопрос спорный. В этом смысле «Авиатор» – трогательная исповедь ненадёжного рассказчика, которая встраивается в ряд произведений о людях, остро переживающих кризис времени и находящихся в эпицентре темпорального разрыва. Тем не менее невинность как личностная доминанта Платонова запечатана в его имени. К безвинности, догреховности как самости (Selbst) и стремится герой. Причём диссонансное сочетание имени и поступка (безвинный убийца) характеризует не только Платонова, усиливая его трагическую духовную расколотость, но и других персонажей романа. Так, эпизодический персонаж Катя (Екатерина, чистая) является проституткой, а Севе (Всеволод, всевластный), как бы он отчаянно не искал власти и силы, не хватает не то что политических ресурсов, чтобы пережить внутреннюю чистку в НКВД, но даже сил «дорости» до полной именной формы. В этом Водолазкин также следует традиции: имя как оксюморон, как парадоксальное сцепление взаимоисключающих понятий – важнейшая черта ономастической поэтики Достоевского (Николай Ставрогин противопоставлен своему имени, а бестиарно оппозиционное имя Лев Мышкин сообщает о противоборстве христианского и языческого в персонаже и намекает на его трагическую обречённость) [20, с. 124].

При этом вина Иннокентия Платонова сложнее вины обычного убийцы. Эта вина за век, веру и русскую литературу, возложенная на одного человека. Платонов по воле автора расплачивается за грехи свидригайловых,

раскольниковых и ставрогиных, так что это вина за трагическую русскость в самом широком смысле. Любопытно, что в Физиологе ночного ворона «оправдывают» цитатой из второго Послания к Коринфянам: «Не виде греха, законный грех сотвори»³¹ (ср. «Не знавшего греха за нас грехом сделал»³²), эти слова применимы и к безвинному от природы (догреховность как самость), но ставшему убийцей Платонову. Оговоримся, однако, сразу: в образе Платонова Водолазкин не выводит нового Христа, но, очевидно, вслед за Достоевским конструирует такую литературную ситуацию, где человеческое сердце становится полем битвы бога и дьявола, праведника и Великого Инквизитора, авиатора и ночного летуна, голубя и ворона. И если мы посмотрим на роман через призму этого знания, через призму идей Достоевского, нам откроется возможный смысл орнитологического окружения героя.

Водолазкин создаёт внутренне дисгармоничный характер, в котором сосуществуют Христово и антихристово. В апокрифичном Апокалипсисе от Илии говорится: «<...> явится (сын беззакония), говоря: «Я – Христос», но это не (будет) Он <...> Ведь когда придет, грядя, Христос, Он грядёт как голубятня, и венец из голубей окружает Его»³³. Платонова окружают вовсе не голуби, а их антагонисты. Герой «Авиатора» претендует и на то, чтобы называться беззаконником – символ Фемиды с отломанными весами проходит через весь роман. В Апокалипсисе от Илии даётся также любопытная примета, по которой можно различить Христа и антихриста: «Он совершит деяния, которые Христос совершил, за исключением лишь воскрешения мёртвых <...>»³⁴. Тем любопытнее, что персонажи-антихристы у Достоевского и Водолазкина думают о воскресении, а фоном этих размышлений становится евангельский сюжет о Лазаре. В одной из самых пронзительных сцен «Преступления и

³¹ Физиолог. С. 15.³² Там же. С. 128.³³ Изречения египетских отцов. Памятники литературы на коптском языке. СПб.: Алетейя, 2001. С. 216-217.³⁴ Там же. С. 217.

наказания» Раскольников требует от Сони, чтобы та читала вслух притчу о Лазаре; а до этого Порфирий Петрович расспрашивает героя о Лазаревом воскресении³⁵. В «Авиаторе» Платонов не только поднимается из мёртвых, символически повторяя путь Лазаря, но и буквально становится «лазарем» – подопытным ЛАборатории по ЗАморозке и РЕгенерации).

«Авиатор» – роман-перевертыш: Иннокентий Платонов поочерёдно надевает маски разных героев Достоевского – мечтателя из повести «Белые ночи», князя Мышкина и Алёши Карамазова, обитателя «мёртвого дома», а в конечном итоге читатели встречаются с «инкарнациями» Ставрогина и Раскольникова. Было бы большой ошибкой считать «Авиатор» стилизацией или подражанием: этот роман – идейное продолжение «Преступления и наказания», «Бесов» или шире – метатекста Достоевского. Водолазкин начинает повествование с того места, где его оборвал Достоевский, но идёт дальше и показывает литературное воскресение героя. Воскресение, через гибель и Голгофу, которое предсказывал Бердяев: «Была судьба Ставрогина до «Бесов» и будет судьба его после «Бесов». После трагической гибели будет новое рождение, будет воскресение»³⁶. И в этом смысле роман Водолазкина повествует даже не о каком-то локальном воскресении, он о Всевоскресении – героя, поколения, русской литературы.

³⁵ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 6. С. 201, 249-251.

³⁶ Бердяев Н.А. Ставрогин // Библиотека «Вехи». URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/stvrogin.html> (дата обращения: 24.08.2024).

ВЫВОДЫ

Таким образом, орнитологический код упрочняет связь «Авиатора» с текстами Достоевского и даёт внимательному читателю подсказку о палимпсестной природе романа: глубокое понимание художественной структуры «Авиатора» невозможно в отрыве от проблематики и поэтики творчества Достоевского. Поэтический бестиарий Водолазкина, как и бестиарий Достоевского, восходит к Физиологу – популярной христианской экзегетической книге. Образы животных в Физиологе отличаются пластичностью – даже «нечистые» звери и птицы сравниваются с Богом-отцом, Иисусом, Святым Духом. Наиболее функциональными птичьими образами романа «Авиатор» являются ворон (и его варианты) и голубь, а главный герой совмещает в себе черты этих непохожих птиц и проходит «орнитологический» путь: голубь – ворон (ночной ворон) – авиатор (тот, кто преодолел гравитацию греха). Голубь является знаком невинности, праведности, духовной чистоты, которая имманентно присутствует в герое и запечатана в его имени. Важнейшая символическая функция ворона – медиаторная, эта птица связывает антагонистические начала, а в ряде мифов выступает демиургом – ворон достаёт сушу со дна морского. Подобно ворону, Платонов выступает посредником между прошлым и настоящим, земным и небесным, живым и мёртвым. Герой достаёт со дна прошлого выцветшие краски, умолкнувшие голоса, затихшие запахи и с их помощью создаёт не-историю, новый миф о времени и ушедшей эпохе.

Список источников

1. Осьмухина О.Ю. Идиостиль писателя-постмодерниста: специфика воплощения интертекстуальности в современной отечественной прозе // Интертекстуальность художественного дискурса: материалы Всерос. науч. конф. Астрахань, 2018. С. 184-191. <https://elibrary.ru/ymwddv>
2. Кротова Д.В. 当代俄罗斯文学中的新现代主义思潮 (Неомодернистская тенденция в современной русской литературе) // Russian Literature & Arts. 2022. № 1. С. 77-87.
3. Солдаткина Я.В. Диалог с русской литературой XX века в романах Евгения Водолазкина «Лавр» и «Авиатор» // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков, 2019. Т. 2. С. 309-318.

4. Белоусова Е.Г. «Авиатор» Е. Водолазкина в свете набоковской традиции // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 33-40. <https://doi.org/10.17223/15617793/479/3>, <https://elibrary.ru/glvyli>
5. Трубецкова Е.Г. Борьба с амнезией: набоковские «знаки и символы» в романе Е. Водолазкина «Авиатор» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2020. Т. 20. №. 1. С. 104-108. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-104-108>, <https://elibrary.ru/uivngh>
6. Солдаткина Я.В. Мотивы прозы А.П. Платонова в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Rhema. Рема. 2016. № 3. С. 19-28. <https://elibrary.ru/xhffut>
7. Тирадо Р.Г. Особенности перевода художественного текста с русского языка на испанский (на материале перевода романа Евгения Водолазкина «Авиатор») // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 2. С. 473-486. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-473-486>, <https://elibrary.ru/vrxhfc>
8. Ничипоров И.Б. Парадоксы памяти в современном русском романе: «Авиатор» Е. Водолазкина // Учёные записки Орловского государственного университета. 2019. № 1 (82). С. 127-130. <https://elibrary.ru/qyrvql>
9. Лисова А.Е. Категория времени в художественном мире Е.Г. Водолазкина. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 81 с. <https://doi.org/10.23681/599954>, <https://elibrary.ru/sxqevp>
10. Солдаткина Я.В. Время и пространство современной русской прозы: неомодернизм и постмодернизм (рецензия на учебное пособие: Кротова Д.В. Современная русская литература. Постмодернизм и неомодернизм. М.: МАКС Пресс, 2018. 224 с.) // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. № 4. С. 477-482. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-4-477-482>, <https://elibrary.ru/yuxvtf>
11. Бочкина М.В., Голубков М.М. Понятия «исторического» и «неисторического» в эстетической и философской системе романа «Авиатор» Е. Водолазкина // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 2. С. 188-197. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-2-188-197>, <https://elibrary.ru/xremod>
12. Анастасьева И.Л. Русский человек на rendezvous (по роману Е. Водолазкина «Авиатор») // Культура и цивилизация. 2021. Т. 11. № 5-1. С. 293-299. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.15.30.035>, <https://elibrary.ru/blaqkf>
13. Шуников В. Метаморфозы жанровых стратегий в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Филология и культура. 2021. № 1. С. 219-224. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2021-63-1-219-224>, <https://elibrary.ru/gjfgmb>
14. Гудин Д.С. Орнитологическая символика романа «Лавр» Е.Г. Водолазкина // Казанская наука. 2021. № 12. С. 20-23. <https://elibrary.ru/ozdpyy>
15. Криницын А.Б. Образ хромоножки в перспективе мотивной структуры романов Достоевского // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2010. № 3. С. 54-69. <https://elibrary.ru/mvxxkzx>
16. Скуридина С.А. Орнитоморфизм ономастического пространства романа Ф.М. Достоевского «Бесы» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4 (18). С. 171-175. <https://elibrary.ru/uzchcx>
17. Сафонова Н.В. Александрийский «Физиолог» и ранняя библейская экзегеза // Власть. 2017. Т. 25. № 1. С. 177-179. <https://elibrary.ru/xvnawz>
18. Нестеров А. «И всегда отличать одно от другого», или о «символических контекстах» совы и филина в европейской живописи XV–XVII вв. // Бестиарий ненависти. 2021. С. 55-78.
19. Владимирцев В.П. Животные в поэтологии Достоевского: народно-христианское бестиарное предание // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 312-320. <https://elibrary.ru/ruykjj>
20. Владимирцев В.П. Поэтический бестиарий Достоевского // Достоевский и мировая культура. 1999. № 12. С. 120-134.

References

1. Osmukhina O. Yu. Idiostyle of a postmodernist writer: specificity of the embodiment of intertextuality in contemporary domestic prose. *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Intertekstual'nost' khudoz-*

- hestvennogo diskursa» = *Proceedings of the All-Russian Scientific Conference "Intertextuality of Artistic Discourse"*. Astrakhan, 2018, pp. 184-191. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ymwddv>
2. Krotova D. V. Neomodernist tendency in modern Russian literature. *Russian Literature & Arts*, 2022, no. 1, pp. 77-87. (In Chinese).
 3. Soldatkina Ya. V. Dialogue with Russian Literature of the 20th Century in the novels of Evgeny Vodolazkin "Laurus" and "The Aviator". *Znakovye imena sovremennoi russkoi literatury. Evgenii Vodolazkin*, 2019, vol. 2, pp. 309-318. (In Russ.)
 4. Belousova E.G. The Aviator by Eugene Vodolazkin in relation to the Nabokovian tradition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2022, no. 479, pp. 33-40. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/479/3>, <https://elibrary.ru/glvyli>
 5. Trubetskova E.G. The fight against amnesia: Nabokov's 'signs and symbols' in the novel by E. Vodolazkin The Aviator. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika. = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, no. 1, pp. 104-108. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-104-108>, <https://elibrary.ru/uivngh>
 6. Soldatkina Ya.V. The motives of a. P. Platonov's prose in the novel "Aviator" by E.G. Vodolazkin. *Rhema. Rema*, 2016, no. 3, pp. 19-28. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xhffut>
 7. Tirado R.G. Translation of words with a cultural component (based on the Spanish translation of the novel by Eugene Vodolazkin "The Aviator"). *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: lingvistika = Russian Journal of Linguistics*, 2019, vol. 23, no. 2, pp. 473-486. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-473-486>, <https://elibrary.ru/vrhxfc>
 8. Nichiporov I.B. Paradoxes of memory in the modern Russian novel: "Aviator" by E. Vodolazkin. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes of Orel State University*, 2019, no. 1 (82), pp. 127-130. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qyrvql>
 9. Lisova A.E. *The Category of Time in the Artistic World of E.G. Vodolazkin*. Moscow, Berlin, Direct-Media Publ., 2020. 81 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.23681/599954>, <https://elibrary.ru/sxqevp>
 10. Soldatkina Ya.V. Time and space of contemporary Russian prose: newmodernism and postmodernism (review of the study guide: Krotova D.V. Modern Russian literature. Post-modern and "new-modern". Moscow, Maks Press Publ., 2018. 224 p.). *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika = RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2018, no. 4, pp. 477-482. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-4-477-482>, <https://elibrary.ru/yuxvtf>
 11. Bochkina M.V., Golubkov M.M. the concepts of historical and non-historical in aesthetic and philosophical system of the novel "The Aviator" by E. Vodolazkin. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika = RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2018, vol. 23, no. 2, pp. 188-197. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-2-188-197>, <https://elibrary.ru/xremod>
 12. Anastas'eva I.L. Russian person at a rendezvous (based on The Aviator by E. Vodolazkin). *Kul'tura i tsivilizatsiya = Culture and Civilization*, 2021, vol. 11, no. 5-1, pp. 293-299. (In Russ.) <https://doi.org/10.34670/AR.2021.15.30.035>, <https://elibrary.ru/blaqkf>
 13. Shunikov V. Metamorphoses of genre strategies in E. Vodolazkin's novel "The Aviator". *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*, 2021, no. 1, pp. 219-224. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2021-63-1-219-224>
 14. Gudin D.S. Ornithological symbolism of the novel "Laurus" by E.G. Vodolazkin. *Kazanskaya nauka = Kazan Science*, 2021, no. 12, pp. 20-23. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ozdpvy>
 15. Krinitsyn A.B. The character of khromonozhka within the framework of motif structure in Dostoyevsky's novels. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya = Moscow University Philology Bulletin*, 2010, no. 3, pp. 54-69. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mvxxkzx>
 16. Skuridina S.A. Ornithomorphism of the onomastic space of F. M. Dostoevsky's novel "Demons". *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2015, no. 4 (18), pp. 171-175. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uzchcx>
 17. Safonova N.V. "Physiologus" of Alexandria and the early biblical exegesis. *Vlast'*, 2017, vol. 25, no. 1, pp. 177-179. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xvnawz>
 18. Nesterov A. "And always distinguish one from the other", or about the "symbolic contexts" of the owl and eagle owl in European painting of the 15th–17th centuries. *Bestiarii nenasisti*, 2021, pp. 55-78. (In Russ.)
 19. Vladimirtsev V.P. Animals in poetic of Dostoyevsky: Christian demonic legend. *Problemy istoricheskoi poetiki = The Problems of Historical Poetics*, 1998, no. 5, pp. 312-320. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ruykjj>

20. Vladimirtsev V.P. Poetic bestiary of Dostoevsky. *Dostoevskii i mirovaya kul'tura*, 1999, no. 12, pp. 120-134. (In Russ.)

Информация об авторах

ГУДИН Денис Сергеевич, кандидат филологических наук, учитель Державинского лицея, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-5706-7917>, lordslaing@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция, анализ художественного текста, написание части текста статьи.

СОРОКИНА Наталия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-4449-938X>, sorok_tam@rambler.ru

Вклад в статью: подбор литературы, написание части текста статьи, обработка и редактирование материала, окончательное одобрение рукописи.

Поступила в редакцию 25.09.2024
Поступила после рецензирования 01.11.2024
Принята к публикации 28.11.2024

Information about the authors

Denis S. Gudin, Cand. Sci. (Philology), Teacher of Derzhavin Lyceum, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-5706-7917>, lordslaing@yandex.ru

Contribution: study conception, literary text analysis, part of manuscript drafting.

Natalia V. Sorokina, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Russian and Foreign Literature Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-4449-938X>, sorok_tam@rambler.ru

Contribution: literature selection, part of manuscript drafting, material processing and editing, final manuscript approval.

Received September 25, 2024
Revised November 1, 2024
Accepted November 28, 2024